

УДК 1. (091)

ОБРАЗЫ НАУКИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Г.Л. Бузук, И.И. Семаева

ФГАОУ ДПО «Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования», г. Москва

Анализируются представления русских философов XIX – начала XX вв. о месте и роли науки в обществе, ценностях научного познания и ответственности ученого, структуре научного знания, формировании в различных философских направлениях представлений об образе науки как цельном видении идеальной науки будущего. Выделены основные черты, характеризующие воззрения на науку представителей русского позитивизма и русского неокантианства. Определены направления дальнейшего исследования проблемы формирования образа науки в отечественной философской мысли.

Ключевые слова: *образ науки, русский позитивизм, русское неокантианство, особенности научного познания, ценностные основания науки, ответственность ученого, идеальная наука будущего.*

Русская философская мысль XIX – начала XX вв. представляла собой многообразие идей, направлений, многоголосие мнений, взглядов, позиций, включенных в той или иной степени в европейский философский процесс. «Постижение совокупного исторического образа» (К. Ясперс) русской философии этого периода невозможно без обозначения тех проблем, которые, с одной стороны, создавали общее полемическое поле, а с другой – позволяли выявить принципиальные различия в их осмыслении, обозначить различие позиций, идейные разногласия.

В XIX в. одной из таких проблем в русской философской мысли стало отношение к науке, провокационное постулирование «изгнания метафизики из науки» и превращение научной рациональности в некую высшую ценность. Для европейской философии, получившей прививку декартовского дуализма и кантовской гносеологии, эта проблема была не столь болезненна, для русской же философии она превратилась в серьезный предмет размышления о путях развития философии. Является ли путь абсолютизации рациональности в науке единственно возможным или русская философия должна двигаться по собственным орбитам в космосе философских идей и направлений? Особенно это затронуло русскую религиозную философию, которая не представляла собой цельную, четко разработанную, логически отточенную и завершенную систему, а признак системности для многих ее представителей был скорее критерием отхода от подлинной философии, ухода в область рационализма и эмпиризма [8]. Наиболее интересные страницы русской религиозной философии были наполнены интуициями, озарениями, мистическими переживаниями. А потому исследователь, который искал в философском знании прежде всего научность, системность, по словам А.Ф. Лосева, «может без мучительных раздумий оставить русскую философию без внимания» [1, с. 67–68].

В силу этих особенностей отечественного философствования проблема отношения к феномену науки обрела характер не столько изучения эпистемологии, методологии научного знания, вопросов, которые позже составили основу философии науки, сколько деятельности по осмыслению и созданию образа науки [7].

Отмечалось, что, во-первых, образ науки обладает еще большим множеством смыслов, чем разнообразные содержательные определения понятия науки. Во-вторых, образ науки, для русских философов, предполагал нацеленность на исследование данного явления в цельности, стремление к преодолению изучения отдельных аспектов бытия науки. В-третьих, образ науки имплицитно включал в себя социокультурные особенности своего времени. В-четвертых, образ науки во многом субъективен, так как формируется в сильной зависимости от философских предпочтений своего создателя, тесно связан с его интересами, представлениями о роли и значении науки, месте науки в общественной системе. Эту особенность формирования образа науки В. Ньютон-Смит определял как «образ, в котором научному сообществу нравится представлять самого себя и который фактически служит тем образом, в котором большинство из нас воспринимает это сообщество...» [2, с. 163]. В-пятых, образ науки телеологичен, выражает определенные цели, приоритеты, ценности научного познания, характерные для того или иного исторического периода.

Для молодой отечественной науки XVIII в. образ науки не потребовал систематизации, выявления неких признаков, позволяющих «оживить» его. Произошло это прежде всего потому что он оказался персонифицированным и, в известной степени, совпадал с реальной исторической личностью М.В. Ломоносова как идеального носителя научного знания. На заре своего развития российская наука почти сразу же обрела и свой идеал ученого, воплощение всего того, что определяет ценностное наполнение образа науки.

Как А.С. Пушкин есть «наше всё» в культуре, так М.В. Ломоносов есть «наше всё» в науке. Обращаясь к его личности и к его научному наследию, можно достаточно объемно представить, что этот воплощенный образ науки являл собой. Патриотизм в науке – одна из главных отличительных черт данного образа. Патриотические мотивы пронизывали не только литературно-поэтическое творчество ученого, вдохновляли на создание «Российской истории», его просветительская деятельность означала борьбу за благо своей страны, ее процветание, «усердие к пользе отечества». Слово «борьба» здесь оказывалось ключевым, поскольку и создание университета, и стремление превратить Академию наук в центр национальной науки, т. е. служащей национальным интересам, и убежденность, что язык науки в России должен быть национальным, требовали от ученого героического энтузиазма в условиях мощного противодействия «неприятелей наук российских».

Из многих других характеристик этого образа в контексте данной темы следует выделить универсальность научной деятельности М.В. Ломоносова, который предстает и как организатор науки, и как ученый, разносторонность и энциклопедизм которого позволяет соотнести его с гениями эпохи Возрождения. Данная синтетичность научных интересов ученого позволила ему впервые в России обратиться к созданию физической картины мира.

Эти черты образа науки – патриотизм, синтетичность, стремление к цельности, героическое служение истине, просветительство – стали ценност-

ными ориентирами для философов XIX в., обратившихся к феномену науки. «Что есть наука?», – так сформулировал эту проблему в своем незавершенном трактате «Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства» В.Ф. Одоевский, и ответил на данный вопрос так – это образ воззрения на предметы. Указанный образ отличался целостностью, когда суть науки есть не разрозненные ее дисциплины – математика, история, филология, а междисциплинарные связи. Единство научного знания представлялось им образно как храм, где в гармоничном единстве находятся и архитектура, и иконопись, и чувства верующих. Основой такого идеального храмового единства науки выступает ее нравственная ценность, определяемая философией. Образ науки, обозначенный В.Ф. Одоевским, был наполнен романтическим энтузиазмом, верой в просвещение, в возможность на основе синтеза научных знаний сформировать цельное мировоззрение.

В 30–40-х гг. XIX в. в России в бурных общественных дискуссиях появились две основные мировоззренческие парадигмы – славянофильская и западническая. Вопрос о роли и месте науки в обществе обрел свой особый статус как продолжение полемики об историческом пути России. Наука рассматривалась как проявление западного просвещения, как его рационалистическое ядро, но именно торжествующий, господствующий рационализм оказывался неприемлемым для славянофилов, которые видели в его торжестве опасность разрушения цельного единства знания. Не само просвещение стало предметом критики со стороны славянофилов, но просветительство как «оторвавшаяся от жизни наука» (И.В. Киреевский). Признание славянофилами возможности национальной науки опиралось на некий образ этой науки, которому были присущи такие черты, как цельность знания, отражающая цельность бытия, нравственное начало, «живознание» как органическое единство не только чувственного опыта и разумного постижения, но и религиозной интуиции, без которой истину постичь невозможно. Этот образ науки был ориентирован на ценности духовные, как высшие в познавательном процессе.

Идеологические споры славянофилов и западников, поиск логически четких, научно обоснованных ответов на вопросы об историческом пути России во многом способствовали быстрому распространению идей нового европейского философского учения позитивизма с его убежденностью в могуществе науки. В позитивизме русские западники увидели и «позитивный метод», и революционное начало, и веру в прогресс, вытесняющую религиозную веру. Вариации позитивизма в России во многом определялись готовностью их представителей акцентировать тот или иной аспект новомодного учения – от крайностей применения субъективного метода в социологии у П. Лаврова до корректно-кабинетного использования идей позитивизма у Н.И. Кареева.

Одной из существенных особенностей позитивистского понимания науки и ее места в историческом процессе было почти религиозное убеждение в ее всеисилии, ее мифологизация. А.Ф. Лосев назвал Р. Декарта подлинным основателем европейского позитивизма, а характерные черты этого учения – собственно позитивизм, механицизм и рационализм – прямым порождением картезианской мифологии. Р. Декарт находит основу для своей философии в «я», в субъекте, в мышлении, в познании: «...такова его собственная мифология, такова вообще индивидуалистическая и субъективистическая мифология, лежащая в основе новоевропейской культуры и философии» [3, с. 403–404].

Наука не существует без мифа, наука всегда мифологична, таков был вывод А.Ф. Лосева. Данное определение во многом объясняет и популярность позитивизма в России XIX в., и те ожидания, которые возлагали на него, – ожидания, питавшиеся этой мифологией. Рационализм не был вполне укоренен в нашей почве, и лишь в XVIII в. начинает широко распространяться в общественном сознании, поэтому мифологизм был привычным способом объяснения даже таких явлений, как наука.

Один из самых интересных образов науки, рожденных в рамках русского позитивизма, принадлежал П.А. Кропоткину, ученому-революционеру не только в области естественных наук, но и в теории анархизма. Он отмечал, что учение О. Конта оказало сильное влияние на все научные исследования, а идеи Г. Спенсера способствовали развитию теории общественного развития нравственности. Романтизм, жертвенность и утопизм были столь же характерны для интеллектуального поиска П.А. Кропоткина, как и эмпиризм, механицизм, позитивизм. Столь широкая палитра научных и гражданских интересов ученого – от географии, истории, этики до биосоциологических идей и научных оснований анархизма – привела его к мысли о необходимости создания «науки о науке», некоей синтетической науки, опирающейся на методологию естествознания, позитивизм, на органическое единство социологии и биологии, «философии, охватывающей все физические, химические, жизненные и общественные явления как одно целое» [4, с. 257].

Этот образ синтетической науки был бы не полон без этического наполнения, которому П.А. Кропоткин уделил особое внимание. Основной идеей его этики является представление об эволюционном характере развития этических учений, которые, подобно живым организмам, проходят различные стадии развития – от первобытных примитивных установок до «высокоидеальных» учений новейшего времени. Именно в вопросе об укоренности нравственности в природе он выступал с критикой О. Конта, считая, что нравственное начало заложено в человеке как инстинкт. Эволюция нравственности, считал П.А. Кропоткин, связана с изменениями «строения общественной жизни». Основным критерием нравственности поступков людей он считал, в соответствии с позитивистской позицией, полезность или вредность последствий этих поступков для большинства людей в настоящем и будущем.

В работе «Современная наука и анархия» П.А. Кропоткин подвел определенный итог созданию образа науки. Анархию он представлял как мировоззрение, основанное на универсальном механицизме природы и общества, на методе естественных наук, способном проверить любое научное положение, на создании синтетической философии, охватывающей все науки, способной дать ответы на все современные вопросы. К этому образу следует добавить личностные качества ученого, его самопожертвование в служении социальным идеалам, которые совпадают с идеалами науки.

Отдельные аспекты позитивистского образа науки в России были разработаны П. Энгельмейером, инженером, автором «Философии техники» и «Теории творчества». Он акцентировал внимание на философии техники как «технологии технологий», а один из ее разделов называл эврологией, всеобщей теорией человеческого творчества. В своем определении техники он возвращал этому понятию его первоначальный смысл – как искусства целенаправленного воздействия на материю. К технике, таким образом, следовало

отнести не только инженерную деятельность, но и педагогику, медицину, искусство, культуру в целом. Эврология как наука о творчестве должна была охватить все сферы культуры. Универсальными оказывались основные стадии творческой деятельности – замысел на уровне инстинкта, проективность разума, материальное воплощение замысла или умение.

Технизм, в трактовке П. Энгельмейера, был ключевым положением в общей картине становления второй, искусственной природы, создаваемой творческими усилиями человека. Различные виды человеческой активности рассматривались им как различные грани единого творческого процесса, в котором философии и науке отводилась своя роль – систематизации, выбора направления развития. Отличие собственно науки от техники (искусства) он видел в том, что наука объясняет, помогает усвоению и пониманию, а техника приводит к осуществлению целей, практической реализации идей. По сути, это разделение деятельности на субъективирующую и объективирующую находилось в русле позитивистской традиции. В поисках некой общей синтетической науки П. Энгельмейер пришел к пониманию того, что именно творчество может выполнить эту миссию, поскольку, жизнь и есть творчество, а следовательно, теория жизни должна быть теорией творчества.

В русском позитивизме особое место занимает наследие Е.В. де Роберти, с именем которого связано появление отдельного направления – гиперпозитивизма (робертизма), на определенном этапе девизом которого было «с контизмом против О. Конта». Вера в прогресс, в научное познание как высшую форму познавательной деятельности, представление о методологической связи естественных наук и социологии в его творчестве были приметами ориентации на позитивизм, который рассматривался им как некий философский проект «совершенной жизни». Однако позицию Е.В. де Роберти нельзя представить как простую рецепцию западного позитивизма, поскольку задача, которую ставил перед собой русский философ, заключалась в разработке своего рода этической версии позитивизма (см.: [5, с. 218–222]). И хотя сложно реконструировать на основе его работ непосредственно представление о гиперпозитивистском образе науки, все же можно выделить ряд значимых для его позиции требований к науке: разработка методологии, позволяющей сформировать целостную научную картину мира; гносеологический оптимизм и борьба с агностицизмом; провозглашение сенсуализма фундаментом научной философии; линейное эволюционное развитие цивилизации, в котором науке отведено место наряду с философией, искусством и практической деятельностью; декларация «закона» соотношения науки и философии. Наука в трактовке Е.В. де Роберти была одним из важнейших компонентов социальности, тогда как мораль провозглашалась синонимом социальности. Таким образом, в русском позитивизме образ науки снова наполнялся этическим смыслом.

Образ науки, предстающий в работах автора «всеобщей организационной науки» А.А. Богданова, является одним из наиболее оригинальных и актуальных до нынешнего времени. В 1922 г. в Берлине было полностью опубликовано его самое значительное произведение «Тектология», в котором строилась всеобъемлющая наука о законах структурной организации различных систем во всех областях человеческого опыта. А.А. Богданов исходил из понимания целостной организации мира, в которой все части характеризуются структурным единством – от микромира до социальных явлений. Тектология – это качествен-

но новая наука, которая вбирает в себя весь опыт человечества, вырабатывает новую методологию, берет на себя функции философии, преодолевает углубляющуюся дифференциацию научного знания. Так представляет А.А. Богданов роль и место новой науки в общественном развитии, которое и само под воздействием тектологии приведёт к построению «разумного общества». Идеи русского мыслителя о новой организационной науке, по сути определявшие новый образ науки, предвосхитили развитие науки в XX в., появление синергетики, теории систем, востребованность системного подхода в различных областях науки.

За рамками рассмотрения вопроса об образе науки в русском позитивизме остались многие имена, и прежде всего представителей естественно-научного направления, в определенной степени близких данному течению (например, И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева). Однако и представленные взгляды о том, какой должна быть идеальная наука, позволяют сделать определенные обобщающие выводы.

Особенностями образа науки в русском позитивизме, несмотря на все его многообразие и вариативность этого направления, стали: актуализация проблемы метода научного исследования, идеи цельности, системности научного знания, этизация науки, перенос методов естествознания на область гуманитарного и социального знания, требование практичности, социальной полезности в оценке научного знания.

Еще одним направлением в русской философии рассматриваемого периода стало неокантианство, обратившееся к проблеме науки в контексте культуры. Наиболее значительным представителем этого философского течения в России был А.И. Введенский, впрочем определявший свою позицию как «логицизм», исходя из логического принципа противоречия как «основного закона сознания», естественного и нормативного для наших представлений. Выводное знание, таким образом, есть знание о наших представлениях и не годится для того, что находится за их пределами. Насколько возможна в таком случае наука? Этот вопрос, заданный еще в кантовской философии, продолжал волновать ее последователей. Пытаясь ответить на него, А.И. Введенский писал: «Параллельно с естественно-научными исследованиями почти каждый вопрос должен подвергаться также и философской обработке, цель которой состоит в том, чтобы на основании данных естествознания и главным образом анализа самой нашей познавательной способности... построить такие понятия о природе, которые имели бы реальное значение, т. е. которые изображали бы нам связь и законы самих явлений» [6, с. VII].

Таким образом, гносеологии А.И. Введенский отводил определяющую роль, считая, что от изучения познавательных способностей зависят и научные данные, сама же наука оперирует только представлениями о явлениях, а материя, все то, что составляет содержание метафизики, относится к предмету веры. Так в цельное научное мировоззрение он включил веру как знание, не требующее опытного подтверждения. Проблеме веры посвящены несколько работ А.И. Введенского: «О видах веры в ее отношении к знанию» (1893), «Условие допустимости веры в смысл жизни» (1890) и др. Он выделяет различные виды веры – «наивную», «слепую», действующие вопреки рассудку, и «обоснованную» и «сознательную» веры, сознательно допущенные рассудком, в высших своих проявлениях опирающиеся на нравственный долг, веру в бессмертие души.

Взгляды А.И. Введенского относительно научного познания были продолжены в работах его учеников и последователей – И.И. Лапшина, Г.И. Челпанова, Г. Ланца. Хотя целостного образа науки русское неокантианство не создало, однако внесло существенные коррективы в философское осмысление феномена науки, акцентировав внимание на вопросах идеалов в науке, соотношения веры и знания, места веры в научном познании, значимости гносеологических проблем в научном познании, исследования различных видов деятельности, трактовки социальной и научной активности как нравственной позиции.

В русском неогегельянстве, интуитивизме, феноменологии не столько создавался собственный образ науки, сколько оттачивались его отдельные грани, способствуя последующему осмыслению феномена науки в отечественной философской мысли. Так идеи интуитивизма в работах Н.О. Лосского, С.Л. Франка, А.Ф. Лосева способствовали разработке вопросов о субъектно-объектных связях в познании как отражении цельности бытия, о роли субъекта в научном познании, о значении интуитивного знания в науке. Проблемы междисциплинарности как способа преодоления растущей дифференциации научного знания, «предпосылочного знания», исследования природы гуманитарных текстов, герменевтики рассматривались в трудах Г.Г. Шпета.

Образ науки и проблемы научного знания рассматривались и русскими религиозными философами. Это отдельная, плодотворная тема. Достаточно назвать работы С.Н. Булгакова «Природа науки», П.А. Флоренского «Наука как символическое описание», Е.Н. Трубецкого «Метафизические предположения познания» и многие другие. Не менее значительным оказывается образ науки, представленный в русском космизме в трудах Н.Ф. Федорова, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, идеи которых не могут быть сведены к позитивистской рецепции развития науки, а являются действительно космическим прорывом в формировании образа науки будущего.

Список литературы

1. Очерки истории русской философии: Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. 592 с.
2. Ньютон-Смит В. Рациональность науки // Современная философия науки: хрестоматия. М.: Наука, 1994. С. 137–144.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 145 с.
4. Кропоткин П.А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. 643 с.
5. Бузук Л.Г. Русский позитивист Е.В. де Роберти: эволюция философских взглядов // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 3. С. 213–223.
6. Введенский А.И. Опыт построения теории материи на принципах критической философии. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1888. 340 с.
7. Бондарева Я.В. Развитие принципа синергии в учениях о преобразовании человеческого бытия (к вопросу о методологических

основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2013. № 2. С. 5–10.

8. Бондарева Я.В. Методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ. М.: Изд-во МГОУ. 2011. 322 с.

IMAGES OF SCIENCE IN THE XIX-TH - EARLY XX-TH CENTURY RUSSIAN PHILOSOPHY

G.L. Buzuk, I.I. Semaeva

The Academy of Professional Development and Re-Training of Educators

The article analyzes the views of Russian philosophers of the XIX-th and early XX-th century regarding the place and role of science in society, values of scientific knowledge and the scientist's responsibility, the structure of scientific knowledge, the formation of the various philosophical trends in the representations of the image of science as an integral vision of the ideal future science. The main features that characterize the belief in science of the Russian positivism and Russian neo-Kantianism representatives are studied. The directions of further research of the problem of the image of science formation in the Russian philosophical thought are also examined within the article's format.

Keywords: *image of science, Russian positivism, Russian neo-Kantianism, specific features of scientific knowledge, the value basis of science, responsibility of the scientist, perfect science of the future.*

Об авторах:

БУЗУК Геннадий Леонидович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии образования и науки ФГАОУ ДПО «Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования», г. Москва. E-mail: buzukg@yandex.ru

СЕМАЕВА Ирина Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии образования и науки ФГАОУ ДПО «Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования», г. Москва. E-mail: irinasemaeva@yandex.ru

Authors information:

BUZUK Gennady Leonidovich – Ph. D., Prof. of the Department of history and philosophy of education and science of the Academy of Professional Development and Re-Training of Educators, Moscow. E-mail: buzukg@yandex.ru

SEMAEVA Irina Ivanovna – Ph. D., Prof. of the Department of history and philosophy of education and science of the Academy of Professional Development and Re-Training of Educators, Moscow. E-mail: irinasemaeva@yandex.ru